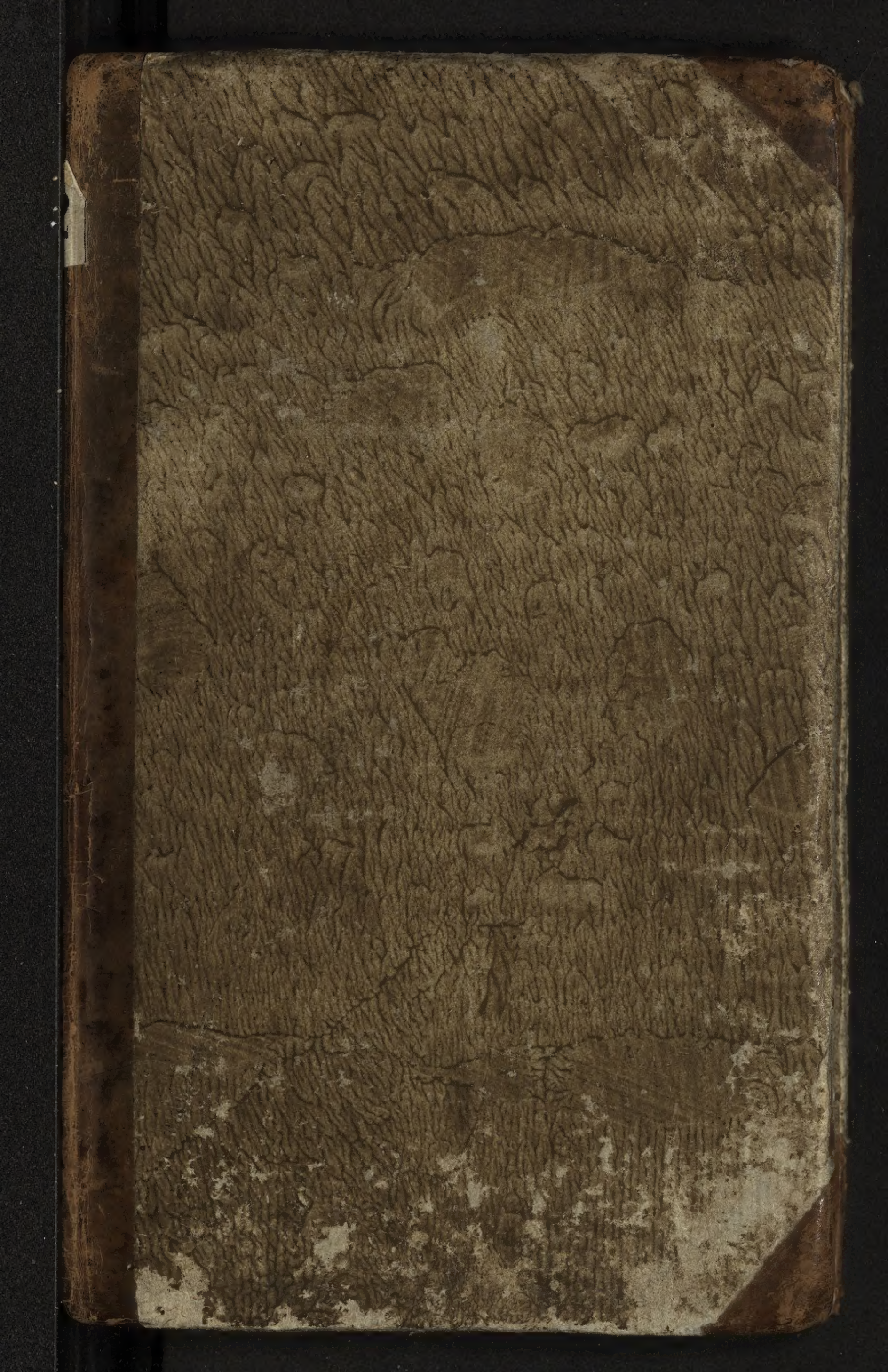

×Жоффре

ПРІЯТНОСТИ ДѢТСТВА
И
УДОВОЛЬСТВІЯ
МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ.

ПРІЯТНОСТИ ДѢТСТВА
И
УДОВОЛЬСТВІЯ
МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

Москва

1807

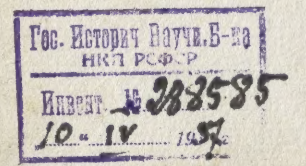
ПРІЯТНОСТИ ДѢТСТВА
И
УДОВОЛЬСТВІЯ
МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ.

СОЧИНЕНО
НА
ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ
Л. Ф. ЖЕФРЕТОМЪ,
А
НА РОССІЙСКІЙ ПЕРЕВЕДЕНО
КОЛЛЕЖСКИМЪ АССЕССОРОМЪ
СТЕПАНОМЪ НИКИФОРОВЫМЪ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.

1807.

С одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ,
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ
ГОСУДАРЫНѢ,
ИМПЕРАТРИЦѢ
МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Изъ всѣхъ нравственныхъ добродѣтелей, безъ сомнѣнія материнская нѣжная любовь заслуживаетъ наиболѣе уваженія. Природа, разнообразная въ своихъ дѣйствіяхъ, разлила сіе чувство во всѣхъ странахъ равно. Неограниченная любовь матери къ своимъ дѣтямъ во всѣ времена была единственнымъ источникомъ общаго благоденствія: ея неутомимая дѣятельность, руководствуя насъ отъ самой колыбели, показываетъ намъ прямую цѣль нашей жизни, и приближаетъ насъ къ истинному щастію; ея неусыпныя попеченія раждаютъ великихъ

Мужей, неустрашимыхъ Героевъ, ревностныхъ Патріотовъ и примѣрныхъ благотворителей угнѣтеннаго человѣчества: благочестіе, внутреннее устройство Царствъ, дружелюбіе, наклонность ко всему доброму, ко всему изящному, все обязано сему зиждущему огню Натуры. — Внимательный умъ не безъ удовольствія и изумленія смотритъ на цѣпь семействъ, движимыхъ симъ благотворительнымъ Геніемъ, и составляющихъ процвѣтающія общества. Какая, подлинно, душа не восхитится сею заботливою чувствительностію матери, ко-

торой влїянїе простирается на толь обширный кругъ предметовъ?

Въ ТЕБѢ, Августѣйшая МОНАРХИНЯ! видимъ мы сїю нѣжную Мать, неусыпно пекущуюся о благѣ любезнѣйшихъ дѣтей своихъ для щастїя своихъ подданныхъ! ТВОЕ чувствительное сердце образовало намъ Отца Отечества, подъ кроткимъ скипетромъ котораго миллїоны народовъ благоденствуютъ! ТВОЯ материнская любовь дала намъ сїю подпору блаженства Россїи!

Милосердая МОНАРХИНЯ! прости, что одинъ изъ сыновъ ея, исполненный благо-

говѣйныхъ чувствованій, осмѣлился сію слабую жертву своего глубочайшаго усердія украсить Священнымъ ТВОИМЪ Именемъ. Кто, конечно, какъ не истинно щастливая Мать способна ощущать цѣну пріятности дѣтской юности и удовольствія материнской любви?

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

ВАШЕГО

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Вѣрноподданнѣйшій.

Степанъ Никифоровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ
ОТЪ
АВТОРА.

Quid leges sine moribus proficiunt?
Hor. od. 19. l. 3.

Сіе краткое сочиненіе, въ произведеніи котораго совершенно участвовало сердце мое, есть плодъ свободныхъ минутъ, похищенныхъ отъ трудовъ должности; цѣль его есть та, чтобъ изобразить пріятности весны жизни человѣческой, сей, радостію исполненной, эпохи дней нашихъ, о невинныхъ веселіяхъ коей всякой съ удовольствіемъ воспоминаетъ. Таковый и сему подобный предметъ служитъ занимательною цѣлью всѣхъ вѣковъ, всѣхъ странъ, всѣхъ правленій. Варварскіе народы, такъ какъ и просвѣщенные, ощущаютъ сладость священныхъ узъ Природы; и сіе великое начало вездѣ признано, что отъ добродѣтели и благополучія семействъ зависитъ щастіе и благоденствіе народовъ.

ПРІЯТНОСТИ ДѢТСТВА
И
УДОВОЛЬСТВІЯ
МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ.

Цвѣтъ человѣческій возрастаетъ постепенно, и тихо распускаясь, открываетъ каждой день нѣкія новыя прелести, въ коихъ изображаются благородство отца и пріятности матери.

ТОМСОНЪ *въ концѣ* ВЕСНЫ.

ЦВѢТЫ.

Возрастающій младенецъ подобенъ развертывающейся почкѣ подлѣ увядшихъ цвѣтовъ.

Никогда младенецъ такъ любезенъ не бываетъ, какъ въ объятіяхъ своей матери: равномѣрно нѣжный пучокъ цвѣтковъ никогда свѣжѣе не бываетъ, какъ на вѣтви своего куста.

Дитя бѣгаетъ по природному побужденію; оно любитъ играть такъ, какъ младое произрастеніе, колеблемое на стеблѣ дыханіемъ лѣтняго зефира.

Младенецъ самъ по себѣ есть ничто, а все чрезъ попеченія, прилагаемыя о немъ, пріобрѣтается: равно и цвѣтъ пріемлетъ пищу отъ земли, краску отъ солнца и прохладу отъ зари.

Не одни тѣ цвѣты драгоцѣнны, которые сажаются въ цвѣтникахъ; имѣютъ также свою цѣну и тѣ, которые растутъ въ уединенныхъ долинахъ и на утесистыхъ горахъ.

Я люблю видѣть играющихъ вмѣстѣ дѣтей: мнѣ представляется тогда, будто бы я вижу множество разныхъ цвѣтовъ, покрывающихъ луга въ первые дни весны.

~•~

Дитя, ощущая горесть болѣзней, прежде нежели вкуситъ сладость удовольствій, уподобляется младому розовому кусту, которой раждаетъ иглы, прежде нежели произведетъ цвѣты.

~•~

Большое семейство подобно вѣтьви сеннаго дерева, увѣшеннаго многочисленными кистями, на коихъ изображены всѣ пріятныя оттѣнки разцвѣтанія.

~•~

Мать, съ благородною гордостію взирающая на дѣтей своихъ, уподобляется зарѣ, величественно взирающей на цвѣты, оживленные ея восхожденіемъ.

~•~

Почему роза называется царицею цвѣтовъ? Безъ сомнѣнія по пріятности благоуханія своего, по красотѣ вида и живости ея цвѣта. Равномѣрно что можетъ быть на землѣ любезнѣе прекраснаго и добродѣтельнаго дитяти?

~•~

Взгляни на сію юную розу: пусть на нее дуютъ вѣтры; но они не въ силахъ отнять у ней пріятнаго благоуханія. Подобно сему научись и ты, сынъ мой! сохранять добродѣтель свою среди житейскихъ волненій.

~•~

Юная дѣвица, будучи скромною, не теряетъ ничего. Она подобна пучку весенней розы, которая не разторгла еще всѣхъ своихъ покрововъ.

~•~

Гордый подсолнечникъ часто проходятъ мимо, а ищутъ скромную фіялку. Младое дитя, живущее подъ соло-

меннымъ кровомъ, способно имѣть почти всегда больше добродѣтели, нежели то, которое обитаетъ въ великолѣпныхъ чертогахъ.

Старость влечетъ къ себѣ почтенiе, а младенчество любовь. Съ удовольствiемъ довѣренности сижу я подъ тѣнiю древняго и почтеннаго дуба; но люблю также, да еще и болѣе, срывать цвѣты и носить ихъ у моей груди.

Когда я печаленъ, то смотрю или на собранiе дѣтей, или на многочисленность цвѣтовъ, и въ тотъ же часъ въ умѣ моемъ раждаются прiятныя картины.

Дѣтство есть время игръ; оно уподобляется дереву, которое производитъ цвѣты прежде, нежели приноситъ плоды.

Дѣти любятъ иногда играть съ стариками: подобно сему цвѣтки растутъ иногда на развалинахъ, коимъ они служатъ украшеніемъ.

~•~

Болѣе можно научить дитя ласкою, нежели страхомъ. Буря исторгаетъ и умерщвляетъ цвѣты, между тѣмъ какъ тихой зефиръ вливаетъ прохладу и отверзаетъ всѣ ихъ красоты.

~•~

Дѣти удвоиваютъ горячность своихъ родителей, осыпая ихъ своими ласками, наподобіе козьихъ листьевъ, украшающихъ стебли, около коихъ они переплетаются.

~•~

Младенческое сердце подобно лилѣѣ, которой бѣлизны ничто перемѣнить не можетъ.

~•~

Сыновняя любовь въ младенцѣ есть

добродѣтель, предшествующая всѣмъ другимъ: такъ какъ почка перваго весенняго цвѣта предвозвѣщаетъ рожденіе всѣхъ прочихъ цвѣтовъ.

~•~

Не долженъ тотъ часто прикасаться къ цвѣтамъ, кто не хочетъ помрачить ихъ блеска.

~•~

Мать должна пещись о щастіи своихъ дѣтей, но не потворствовать ихъ желаніямъ: подобно какъ солнечные лучи придаютъ цвѣтамъ живость и красоту; но чрезмѣрный жаръ изсушаетъ ихъ совсѣмъ на стеблѣ.

~•~

Не всѣ дѣти родятся съ одними и тѣми же дарованіями, такъ какъ не всѣ цвѣты съ однимъ и тѣмъ же благовоніемъ.

~•~

Дѣти, прыгающія около своей матери,

составляютъ наибогатѣйшее ея украшеніе. Вотъ единая роскошь, которая ей позволительна. Она была твоя, щастливая Корнелія!

~•~

Невинность есть прекраснѣйшій, но скоро увядающій цвѣтокъ.

~•~

Посмотри на сего отца, увеселяющагося тѣмъ, что онъ имѣетъ такихъ дѣтей, которыя превосходятъ его талантами и добродѣтелями. Онъ подобится простой гвоздикѣ, родившей въ нѣдрѣ своемъ сѣмя мохровой гвоздики.

~•~

Древо, посажденное близь хижины, защищается ею отъ непогоды въ своей младости; въ послѣдующее же ремя оно осѣняетъ хижину густотою своихъ вѣтвей и хранитъ ее отъ бурныхъ вѣтровъ.

РАЗСВѢТЪ.

День разума давно уже возвѣщенъ въ младенцѣ слабымъ разсвѣтомъ. О сколь божественна радость матери, когда она усматриваетъ первые лучи сего новаго свѣтила, покрывающаго златымъ блескомъ утесистые верьхи высокихъ горъ!

Когда мракъ врожденнаго побужденія, подобно темному покрову, подъемлется предъ днемъ разума; тогда младенецъ, кажется, родится снова. Сей свѣтлый пламенникъ показываетъ ему отношенія его сердца, такъ какъ приближеніе солнца открываетъ сіяніемъ своимъ оттѣнки великолѣпнѣйшія картины свѣта.

Маловремянныя дѣтскія печали составляютъ трогательное противуположеніе

ихъ живымъ радостямъ, подобно какъ тихіе пары, подъятые первыми солнечными лучами, составляютъ на воздухѣ легкія облака, кои, носяся на крыльяхъ непостоянства и зефировъ, образуютъ правильныя противообразности въ пространной картинѣ небесъ.

~•~

Первое сіяніе блестящей зари менѣе увеселяетъ зрѣніе пастуха, нежели первая улыбка, явившись на младенческихъ устахъ, веселитъ матернее сердце.

~•~

Поспѣшай посѣять въ дѣтскомъ разумѣ сѣмена наставленія; подражай прилѣжному землёдѣльцу, которой, предупреждая восхожденіе дневнаго свѣтила, воздѣлываетъ землю во время утренней прохлады, и ввѣряетъ ей сѣмя жатвы.

~•~

Младенецъ предвозвѣщаетъ не рѣдко еще въ колыбели своей, каковъ онъ бу-

детъ въ теченіи жизни, подобно солнцу, предсказывающему при восхожденіи своемъ, ясно ли будетъ небо въ теченіи дня, или покрыто облаками.

ИДИЛЛІЯ ПЕРВАЯ.

ПЕРВЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЛУЧИ.

Исполнясь ревностнаго желанія созерцать великолѣпное явленіе зари, отверзающей пламенныя врата дня, и разсѣевающей по небу блестящія звѣзды, выходилъ я нѣкогда каждое утро въ пространной и уединенной лугъ, съ котораго обнималъ я моимъ взоромъ синѣющія восточныя горы.

Нѣкогда на семъ самомъ лугу, вдоль источника тополемъ усажденнаго, вижу я (не безъ удивленія, солнцу едва начинающу тогда свое теченіе), юнаго младенца собирающаго цвѣты, и составляющаго изъ оныхъ пучки и вѣнки; съ примѣчаніемъ смотрю за нимъ нѣсколько времени, и познаю, что въ тотъ день должно быть торжество сыновней и матерней

любви. Приближившись, срываю самъ нѣсколько полевыхъ астръ и бѣлой буковицы, и подаю оныя любезному младенцу, которой пріемлетъ ихъ съ пріятною улыбкою. Принуждая его подражать птицамъ, утреннею прохладою вдохновеннымъ, предлагаю ему спѣть мнѣ нѣсколько невинныхъ стишковъ. Пріятный голосъ его тотчасъ меня плѣняетъ — и я, во умиленіи сердца моего, лобызаю его въ невинныя уста.

Послушай, любезное дитя! сказалъ я ему, послушай стихотворца!

Когда съ блестящихъ восточныхъ холмовъ Богъ дня мечетъ первые свои огни; благодарная природа его привѣтствуетъ; птицы наполняютъ рощи пѣніемъ, взирая сквозь древесныя вѣтви на богатое зрѣлище горизонта; цвѣты пробуждаются, разверзаютъ свои пучки, при оживляющемъ сіяніи раждающагося свѣтила; вставшій рано пастухъ съ вершинъ горъ, одѣтыхъ пурпуромъ, устремляетъ удив-

ленный взорЪ свой на лучезарный шарЪ, оживотворяющій всѣхЪ тварей: тогда глаза могутЪ безЪ опасности наслаждаться нѣжнымЪ его свѣтомЪ; его сіяніе еще колеблется и синѣетЪ. Но когда простретЪ теченіе свое, и оставитЪ далеко отЪ себя легкія облака, покрывавшія его при его восхожденіи, и разпространитЪ по небесамЪ величіе своего ослѣпляющаго кругосіянія: кто изЪ смертныхЪ дерзнетЪ тогда устремить на него свой взорЪ?

Любезное дитя! ты вступаешь теперь вЪ теченіе твоея жизни; розы невинности цвѣтутЪ на твоихЪ щекахЪ; бодрственная заря не такЪ жива, какЪ ты... АхЪ! но сколь однако близокЪ, сколь близокЪ тотЪ день, вЪ которой мнѣ уже не возможно будетЪ спокойно смотрѣть на твои прелести, и рвать для тебя астры и бѣлую буковицу!

ИДИЛЛІЯ ВТОРАЯ.

ПОЛЕВОЕ ДИТЯ.

Нѣжная мать! желаешь ли составить щастіе занимающаго тебя существа, которое обязано тебѣ жизнію? Бѣги отъ зараженнаго воздуха большихъ городовъ; удались въ сельское убѣжище, дабы дышать прохладою зефировъ и благовоніемъ цвѣтовъ; питай сына твоего при подошвѣ горъ, среди трогательныхъ явленій, открывающихся въ каждое время года.

Сколь блаженъ младенецъ, воспитывающійся въ сельскомъ уединеніи! Во время палящаго лѣтняго зноя, колыбель его виситъ подъ тѣнью древесъ; благовонныя вѣтви сенетнаго дерева зыблются надъ его устами; разнородныя птицы увеселяютъ его своимъ пѣніемъ; пріятная гармонія ихъ голосовъ, томное журчаніе

сосѣдственнаго источника и лиственный шумъ нечувствительно его усыпляютъ. Какъ же скоро пробуждается онъ отъ сна, тысячи другихъ пріятныхъ предметовъ поражаютъ его зрѣніе. Онъ видитъ повсюду цвѣты и плоды; онъ слышитъ лишь пѣніе и отдаленное блеяніе овецъ, по пригоркамъ разсѣянныхъ.

Скоро наступитъ то время, когда члены его начнутъ разверзаться, и кругъ ума его распространяться, подобно младому деревцу, которое растетъ и мало по малу возвышаясь, украшается. Каждой день удаляясь, платитъ ему дань, усугубляя красоты его, и каждая заря, при своемъ восхожденіи, находитъ его свѣжѣе, блистательнѣе и любезнѣе.

Какое сладостное удовольствіе, когда соединенная чета водитъ его въ первый разъ по луговой травѣ! въ какой она радости и въ какомъ восторгѣ! какъ она прижимаетъ къ своему сердцу сей плодъ

нѣжной ея любви! какъ пріятно для нее отвѣчать на его невинные вопросы!

О вы, которые часто проливаете слезы нѣжности! скажите намъ, познало ли когда человѣческое сердце большую радость сей четы, которая, послѣ толикихъ заботъ и безпокойствъ, видитъ наконецъ отверзающійся разумъ своего сына и сердце благодарности исполняющееся?

ИДИЛЛІЯ ТРЕТІЯ.

ЛУГА.

Цвѣтущіе луга! пространное и вольнозыблющееся зрѣлище! гдѣ природа щедро изливаетъ сокровища прозябаемаго царства, будьте благословенны! Сколь пріятенъ видъ вашъ, когда кроткіе зефиры играютъ въ вашихъ нѣдрахъ, и какъ свѣтозарный пламенникъ, скрываясь отъ нашего зрѣнія, сквозь множество блестящихъ облаковъ мечетъ на васъ послѣдніе свои лучи, златомъ и пурпуромъ свѣтящіе!

Колико кратъ, любезные луга! ходилъ я среди васъ въ прекрасные дни моего дѣтства, подъ сострадательнымъ руководствомъ моея матери! О! какъ она радовалась, видя меня прыгающаго предъ нею, подобно младому агнцу, прескакивающему

рѣзво разныя излучины источниковъ, или ласкающему блеющихъ овецъ, которыхъ не устрашалъ мой видъ!... Иногда, удалившись отъ глазъ ея, рвалъ я по своему желанію душистую фіялку, разпещренныя астры, и составивъ изъ нихъ пучокъ, которой я связывалъ тростникомъ, возвращаяся поспѣшалъ принести ей оной въ даръ; иногда ввѣрялъ я быстротекущему источнику сіе слабое приношеніе сыновнія любви. Пучокъ, блистающій свѣжестію, плылъ по стремительной водѣ сквозь лугъ, и крики мои возвѣщали его приближеніе сей чадолюбивой матери, которая, сидя подъ тѣнію старой ивы, остановляла мои цвѣты на ихъ пути, и украшала ими свою грудь. Иногда также покушался я испытывать ея любовь — Тщетно осматривала она окрестныя мѣста; ея глаза не зрѣли болѣе ея сына. Она меня призываетъ; смущенна, зоветъ снова, — и я, внезапу вышедъ изъ ущелистаго пня старой ивы, являлся ей улыбаясь, бросался въ ея объя-

тія, и платилѣ за ея нѣжное обо мнѣ попеченіе тысячью ласками.

Любезные луга! колико трогательныхѣ воспоминаній раждаете вы вѣ моемѣ сердцѣ!

ИДИЛЛІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЕРВОЕ НАСТАВЛЕНІЕ.

Во отдаленности отъ гордящихся городовъ, гдѣ страсти свирѣпствуютъ и яростно сражаются, подобно волнамъ бурнаго моря, въ глубокомъ и тихомъ уединеніи, украшенномъ всѣмъ, что сельская природа имѣть можетъ великолѣпнаго и богатаго, обитала щастливая чета, которую пріятная посредственность, неограниченная свобода и любезное потомство, возраставшее окрестъ ея, содѣлывали блаженнѣйшею и самыхъ могущественныхъ Монарховъ.

Уже шестая весна возобновляетъ зелени деревъ и луговыхъ цвѣтовъ, съ того времени, какъ солнечные лучи въ первой разъ возсіяли надъ колыбелію одного изъ старшихъ оныя сыновъ... На-

ступило время воздѣлывать ниву ума его: сладостная должность для того, кто имѣетъ дарованіе проходить ее! но источникъ жестокихъ заботъ для всякой матери, раздѣляющейся между желаніемъ, видѣть своихъ дѣтей, наслаждающихся раннимъ наставленіемъ, и между страхомъ, помрачить цвѣтъ нѣжной ихъ невинности!

Не подалеку оттолѣ обиталъ съ давняго времени старецъ, которой, исторгшись отъ сильнаго вихря дѣлъ и общественнаго рабства, препровождалъ въ спокойствіи и въ нѣкоторомъ родѣ восторга послѣдніе свои дни.

Къ сему-то другу человѣчества притекаютъ нѣжные наши супруги, и ввѣряютъ ему вину своихъ безпокойствъ. — Обогати насъ, говорятъ они ему, многоцѣннымъ сокровищемъ искушенныя твоея опытности: скажи намъ, какъ, не огорчивъ пріятнаго дѣтства, можно его наставить и породить любовь къ добро-

дѣтели; какъ можно ему внушить вѣчныя правила строгаго нравоученія?

(Они сидѣли тогда подъ дубомъ, которой древность дѣлала почтеннымъ, и коего пень поддерживалъ великой сводъ густыхъ листьевъ; въ недальнемъ разстояніи отъ сего дерева, юный младенецъ игралъ по берегу источника, протекающаго долину.)

„Есть, отвѣтствуетъ старецъ, — есть книга въ тысячу кратъ драгоцѣннѣе всѣхъ тѣхъ, которыя читаютъ великіе люди: безсмертная книга, которую Провидѣніе никогда не закрываетъ, и которой глубокій и высокій смыслъ познавать всѣхъ земель народы могутъ; книга, которой страницы дѣтскіе и старческіе глаза съ пользою проходятъ; книга, которая учитъ почитать добродѣтель, и которая хранитъ въ сердцѣ вѣчную юность. Сія драгоцѣнная книга есть вселенная и великолѣпное соединеніе ея чудесъ.

Нѣжные супруги! когда вы воспоминаете о удовольствіяхъ златаго вѣка, тогда, безъ сомнѣнія, глаза ваши орошаются слезами. Не трудно оживить и продолжить сіи увеселенія: внушите сыну вашему, что щастіе, сіе божественное растеніе, не раждается ни на вершинѣ величія, ни за морями; что цвѣтъ его, свертывающійся при видѣ порока, вянетъ предъ невинностію, и не иначе можетъ соблюденъ быть, какъ въ нѣдрѣ добродѣтели. Плѣните его восхитительными изображеніями блаженства младенчествовавшаго міра; пусть онъ сопутствуетъ вамъ въ сію глубокую долину, гдѣ удивленное зрѣніе всюду находитъ новыя красоты. О! какимъ восторгамъ радости предается онъ, видя здѣсь повелишные колокольчики розоваго цвѣта, густой плющъ, объемлющій пни древнихъ дубовъ! Тамъ дикія виноградныя лозы, кои будучи отягчены плодомъ, прицѣпляются къ вѣтвямъ ближнихъ деревъ, и составляютъ надъ его головою какъ бы гирлянды, сплетенныя изъ полевыхъ цвѣтовъ; далѣе,

долгіе побѣги смилакса, возвышающагося превыше холмовъ, всползающіе въ безпорядкѣ густыми своими вѣтвями на хребты крутыхъ горъ, и взору открывающихъ единыя глубины ихъ ущелинъ.

Пусть онъ дышетъ прохладою въ сихъ благоухающихъ рощахъ, въ сихъ тѣнистыхъ пещерахъ, въ семъ убѣжищѣ, непроницаемомъ отъ палящаго лѣтняго зноя; пусть, сѣдши подлѣ источниковъ чистыхъ водъ, текущихъ изъ нѣдра сихъ пещеръ, внемлетъ согласному пѣнію разсѣянныхъ тамъ и здѣсь птицъ подъ темнымъ листвіемъ. — Любезная чета! ахъ! ежели въ сіи минуты будешь ты пользоваться тѣми живыми впечатлѣніями, кои онъ ощущаетъ: въ твои желанія исполнились! Его младое сердце возчувствовало Божество и добродѣтель; онъ всегда будетъ также чистъ и свѣжъ, какъ Природа.

Таковыя - то пріятныя мѣста надлежитъ избирать для зрѣлища его и на-

ставленія. Не забудьте также, сидя подлѣ его, изобразить ему тогда пріятными красками простую и умѣренную жизнь праотцевъ.

Сіи щастливыя дѣти небесъ, кои уподоблялись непорочностію сердецъ чистотѣ горизонта, заключавшаго ихъ, не знали ни безпокойства, ни честолюбія: весь день ходили они подъ пальмовыми деревьями и душистыми кедрами, гоня предъ собою верблюдовъ, воловъ и другихъ животныхъ... Истинный златый вѣкъ! щастливый вѣкъ, въ которомъ страсти были покорены, владычествовала невинность, воздержаніе было соблюдаемо! Тогда люди не столь много зная художествъ, имѣли менѣе и нуждъ. Пріятная зелень и молоко украшали ихъ сельской столъ; и естьли когда они казались быть роскошными, то было токмо для истиннаго друга, или сосѣда.

Сколь сія сельская жизнь была спокойна! То покоряясь нелицемѣрной любви,

они занимались плясками и пріятными увеселеніями; то проходя зеленые луга, удивлялись богатому различію насѣкомыхъ, въ трудолюбіи тамо живущихъ; то наконецъ отдыхая подъ тѣнію горы, или въ своей уединенной пещерѣ, воспарялись мыслію къ Великому Существу, сотворившему толико чудесъ; и играя на пріятной лютнѣ, воспѣвали въ пѣсняхъ Ему похвалу, и восхищали все твореніе...

Въ семъ видѣ представляются всѣ предметы вселенныя тому, кто знаетъ пользоваться изобильнымъ источникомъ небеснаго нравоученія.

Боже! вѣчное Существо! премудрый Творецъ міровъ! Разумъ высочайшій, который, безъ сомнѣнія, сотворилъ человѣка къ концу, достойному величія вселенныя и мысли! Нѣтъ, Ты не отъимешь отъ младенчества чувствованія Твоихъ благодѣяній! Безъ сомнѣнія, сердце невиннаго существа изъявляетъ живѣйшія и чистѣйшія къ Тебѣ восторги! — Добродѣ-

тельная мать! поспѣши содѣлать благополучнымъ твоего сына; покажи ему покровительствующую десницу Божества въ цвѣтахъ, плодахъ, жатвѣ, въ горахъ, въ небесахъ; впечатлѣй въ его сердце сіе малое число словъ, которыя потомъ возпротивятся всѣмъ виновнымъ усиліямъ злочестія! Всякой листъ зеленаго дерева предъ очами размышляющаго есть листъ книги, научающей познавать Творца.

Добродѣтель! съ того времени, какъ люди начали писать о тебѣ въ своихъ книгахъ, забвенна содѣлалась ты на землѣ! Они сочинили великія разсужденія о щастіи, не думая того, что единый видъ невинной овцы дѣлаетъ въ сердцѣ сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели примѣчанія любомудрствующихъ и выраженія многихъ писателей.

Какъ должно образовать сіе младое сердце для благотворенія почтеннѣйшей добродѣтели? Добрая мать! говори ему чаще: сынъ мой! будь подобенъ симъ де-

ревьямъ, отягощеннымъ плодами и растущимъ близъ дороги; они доставляютъ всѣмъ тѣнь и плоды, даже и тѣмъ, кои бросаютъ въ нихъ камни.

Какъ отвратить его отъ суетныхъ зрѣлищъ? Представляя ему превосходнѣйшее, всходи чаще съ нимъ на сіи холмы, съ коихъ можно обнять зрѣніемъ всю окружность горизонта. Взирай на лучезарный кругъ солнца, низкатящійся съ неба сквозь множество воспламененныхъ тумановъ; взирай на сей кругъ, исполненный огня и постепенно погружающійся въ западъ — отраженіе послѣднихъ его лучей во облакахъ. Взирай на сіи оттѣнки нѣжной зелени, услаждающія пріятностію зрѣніе; на безконечныя его краски, которыхъ красоты и нѣжности никакая искусная кисть изобразить не можетъ.

Желаешь ли ты съ нимъ наслаждаться еще величественнѣйшимъ зрѣлищемъ? Выходи въ безмолвную ночь изъ жилища

щвоего; ощути пріятность ея прохлады, и взирай на безчисленныя звѣзды, сіяющее украшеніе мрачнаго небеснаго свода. Какая глубокая бездна великолѣпія и величія! Испорченные люди не хотятъ возвести своего взора на твердь небесную, отъ которой они себя отчуждаютъ. Но кто можетъ изобразить восхищеніе невинности при видѣ блестящихъ звѣздъ, кроткихъ лучей луны и мрачности прекрасной ночи? Хотя мы безконечно отдалены отъ сихъ свѣтозарныхъ міровъ; но помощію мысли добродѣтельная душа достигаетъ даже до ихъ круга. Сколь многія сходства усматриваетъ она въ сію минуту между собою и небесными свѣтилами! Она подобится чистотою и свѣтлостію пламени, коимъ они горятъ; всегда одинакова, и всегда въ движеніи какъ онѣ, и будучи поставлены среди творенія, кажется, вопрошаютъ онѣ другъ друга о дѣлахъ своего Зиждителя. Въ семъ обширномъ зерцалѣ, повѣшенномъ надъ ними, невинная душа видитъ себя, познаетъ и созерцаетъ. Возлюбивъ свои.

совершенства, подобно баснословному Нарцису, возлюбившему себя самаго, она погружается въ нѣдрѣ Безконечнаго, и удивляется себѣ въ вѣчномъ Существѣ, коего она есть образъ.„ —

Старецъ говорилъ убѣдительнымъ образомъ. "Супруги наши, восхищенные глубокомысленными его совѣтами и великолѣпіемъ его описаній, взираютъ другъ на друга, и радуются проливая слезы, что могутъ скоро воспользоваться его спасительнымъ наставленіемъ. Солнце уже позаряло послѣдними лучами вершины высокихъ горъ, роса уже ниспускалась. Они обратили путь въ сельское свое жилище, чувствительнымъ голосомъ произнося сіи слова: о почтенной старецъ! ты теперь имѣешь право требовать отъ насъ вѣчной благодарности! Мы будемъ учить нашего сына по сей великой книгѣ Природы!... Когдаже тронутый толикими чудесами, пронзенный симъ величествомъ, упоенный такими пріятностями, будетъ онъ вмѣщать въ

себѣ новыя радости; тогда мы обратимъ свой взоръ на твое милое жилище, и благословимъ того, кто насъ научилъ увѣнчать храмъ наставленія лучшими цвѣтами.

СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ КИТАЙЦОВЪ.

ОТРЫВКИ СВЯЩЕННЫХЪ КИТАЙСКИХЪ КНИГЪ.

О СЫНОВНЕЙ И МАТЕРНЕЙ ЛЮБВИ.

Прекраснѣйшіе цвѣты держатъ въ садахъ, а полезнѣйшія растенія цвѣтутъ въ поляхъ: любовь сыновняя во Дворцѣ является въ блескѣ и великолѣпіи; но между частными людьми видны нѣжныя ея попеченія.

Младенецъ, не имѣющій другаго путеводителя, кромѣ склонности своего сердца, улыбается предъ своимъ отцемъ и матерію, ласкаетъ ихъ, лобзаетъ, ищетъ всюду своими взорами, и зоветъ ихъ своимъ крикомъ, добровольно уступаетъ имъ свои игрушки, кладетъ имъ во ус-

та кусокъ, которой берегъ для себя: Онъ любитъ ихъ, не выходитъ изъ ихъ объятій; не можетъ терпѣть разлуки съ ними; ничто его не въ силахъ такъ скоро, усмирить и утѣшить какъ ихъ слова. Дѣти всѣхъ земель въ разсужденіи сего суть одинаковы: ибо Природа есть едина

О безконечность сыновней любви! сколь ты удивительна! Что правильное теченіе свѣтилъ для тверди, плодоносіе полей для земли, то сыновняя любовь для народовъ. Небо и земля никогда не облыгаютъ другъ друга: да послѣдуютъ имъ народы, — и согласіе свѣта будетъ столь же непрерывно, какъ свѣтъ неба и произведенія земли.

Сыновняя любовь есть добродѣтель сердца: она въ немъ заключается, подобясь огню, разливающему жаръ свой и свѣтъ на все его окружающее; она

открывается въ поступкахъ, словахъ, дѣлахъ, и во всемъ поведеніи, и являетъ въ нихъ почтеніе и горячность безпредѣльную.

Сыновняя любовь раждается съ человѣкомъ, увѣнчиваетъ его цвѣтами въ колыбели, и сопровождаетъ его къ геройству прежде, нежели онъ можетъ оное познать, или еще и именовать.

Блаженъ тотъ, кто можетъ воздать старостію удрученнымъ родителямъ тѣ попеченія, которыя они объ немъ имѣли во время его младенчества! Блаженнѣе еще тотъ, которой возвращаетъ имъ ихъ смѣхи, ласки, радости и игры, присоединяя къ тому толико же чувствованія: старость есть второе младенчество. Для чего же сыновней любви не равняться съ отеческою и матернею любовію?

Благорожденный сынѢ долженѢ естественно любить, почитать, увеселять, дѣлать щастливыми, славными и безсмертными своихѢ родителей.

~•~

Первое дружество вѢ намѣреніи природы должно быть, безѢ сомнѣнія, дружество братьевѢ. Оно возраждаетѢ вѢ насѢ ея чувствованія искренности и довѣренности сѢ перваго ихѢ дѣтства. Кто ихѢ истребляетѢ, тотѢ чудовище; кто презираетѢ, не есть человѣкѢ; а кто теряетѢ, тотѢ имѣетѢ злое сердце.

~•~

Оружія, науки, купечество и художества могутѢ прославить Государство; но содѣлать его щастливымѢ, предоставлено сыновней любви.

~•~

Кто рубитѢ дерева, посаженныя его отцемѢ, тотѢ продастѢ свой домѢ, которой онѢ соорудилѢ.

~•~

Императоры часто посѣщали села, дабы видѣть пріятное зрѣлище семейства, составленнаго изъ многихъ поколѣній, которыя сыновняя любовь блюдетъ въ согласіи и покоѣ въ одной и той же хижинѣ.

~•~

Кто боится, чтобъ громъ не разбудилъ родителей его, тотъ не долженъ опасаться, чтобъ онъ на него ударилъ.

~•~

Сіи великія имена, кои нынѣ Цари себѣ присвоили, суть менѣе значущи, нежели сіи два слова, столь простыя и общія отца и матери народовъ, коими добродѣтельная древность почтила тѣхъ добрыхъ Государей, кои любили подданныхъ какъ своихъ дѣтей, и дѣлали ихъ счастливыми, открывая средства быть лучшими.

~•~

Сыновняя любовь есть единая добродѣтель, которая съ младенчества противо-

борствуетъ страстямъ. Она производитъ одинаковыя чувствованія и попеченія во всѣхъ климатахъ. Дикой, скитающійся въ лѣсахъ, по требованію своихъ нуждъ, болѣе познаетъ изъ своего сердца, чѣмъ обязанъ сынъ отцу и матери, нежели сколько любомудрцы могутъ научить въ своихъ книжкахъ.

~•~

Кто съ почтеніемъ подъемлетъ посохъ своего отца, тотъ и послѣдняго скопа его не ударитъ. Кто зѣваетъ при его стариннымъ повѣствованіяхъ, тотъ-то не будетъ оплакивать его смерти.

~•~

Сына, скорбящаго о кончинѣ своего отца, ничѣмъ лучше утѣшить не можно, какъ проливая вмѣстѣ съ нимъ слезы, и раздѣляя его печаль.

~•~

О сколько одно слово, одна слеза и одинъ взоръ дѣтей имѣютъ силы надъ

сердцемъ отца, или матери! Они бывъ уже ими стократно обмануты, и все еще не перестаютъ имъ вѣрить.

~•~

Когда великіе люди не имѣютъ времени быть попечительными отцами, дѣти не имѣютъ досуга ихъ любить.

~•~

Сынъ не можетъ быть не виновенъ, когда мать его почитаетъ виновнымъ.

~•~

Не должно было имѣть воинства для отвращенія варваровъ, когда сыновняя любовь призывала ихъ на наши границы съ тѣмъ, чтобъ ей удивляться.

~•~

Изображеніе отца для чужестранныхъ ничто иное есть, какъ картина, но для сына есть книга, которая научаетъ его всѣмъ должностямъ, и обязываетъ его къ ихъ исполненію.

~•~ 4

Сыновняя любовь обогатила многихъ бѣдныхъ, но никогда не разоряла богатыхъ. Она дала свободу многимъ дарованіямъ, но никогда не остановляла стремленія какихъ-либо способностей; она покорила многія сердца добродѣтели, но никого не осквернила порокомъ; она учинила многихъ счастливыми, но никогда не дѣлала несчастныхъ.

~•~

Нѣжный и добродѣтельный сынъ не имѣетъ ни вкуса своего, ни чувствованія: что нравится его родителямъ, то и ему; все, что ихъ огорчаетъ, огорчаетъ и его; почему древніе говорили: отцы и матери любезнѣйшія суть тѣ, кои наиболѣе любятъ добродѣтель.

~•~

Что думаютъ получить великіе люди нашихъ временъ отъ сей важности, сего безпристрастія, сего строгаго обращенія и сего владычественнаго вида, котораго они никогда не оставляютъ въ при-

суттствіи своихЪ дѣтей? Взоры ихЪ обращаются на нихЪ, кажется, токмо по единому разсѣянію. Они говорятЪ имЪ одни только полуслова; улыбки ихЪ изчезаютЪ на устахЪ ихЪ; они считаютЪ себѣ за стыдЪ подойти кЪ нимЪ сЪ какою нибудь ласкою, даже отвергаютЪ и ихЪ собственныя, и боятся показаться отцами и предЪ своимЪ семействомЪ. Пусть они, сколько хотятЪ, жалуются на рабство таковаго достоинства. Естьлибъ они истинно питали внутреннее родительское чувство; то бы имѣли видЪ онаго и свойство. Природа, любовь и кровь не согласуются сЪ обманомЪ таковаго представленія.

Любезная мать! руки твои были моею первою колыбелію; я на нихЪ нашелЪ твои сосцы для моего питанія, твою одежду для покрова, грудь твою для согрѣнія моего, лобызанія твои для утѣшенія и ласки для радости моей.

Почитать и любить своихъ родителей во время ихъ жизни, оплакивать ихъ и сожалѣть о нихъ послѣ ихъ смерти, есть отличное исполненіе законовъ, основывающихъ общества человѣческія. Кто оказалъ имъ всякую справедливость во время ихъ жизни и послѣ ихъ смерти, тотъ исполнилъ совершенно великое званіе сыновнія любви.

ГИМНЪ ВЪ ЧЕСТЬ СОЗДАТЕЛЮ.

Обожаю Тебя, сокровенная Премудрость! но которую все открываетъ... Непостижимое Начало, дающее всему сущему красоту, движеніе и жизнь! пріими чистую жертву моего сердца!... Начиная отъ великаго слона, скитающагося въ пустыняхъ, до малѣйшаго насѣкомаго, которое сосетъ безъ видимаго движенія древесный листъ, все есть чудо въ Природѣ... Твое провидѣніе, которое равно бодрствуетъ надъ всѣми существами, является, начиная съ сильнаго орла, которой довольствуется сплетеніемъ нѣсколькихъ вѣтвей на вершинѣ древа неприступной горы, для сохраненія своихъ птенцовъ, до робкаго крапивника, которой образуетъ шаровидно вдоль низкаго полисадника свое гнѣздо изъ пуху и моху.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА О ВОСПИТАНІИ РОССІЯНЪ.

въ москвѣ, 1790 года.

Воспитаніе Россіянъ заслуживаетъ ваше вниманіе, со временъ царствованія Петра Великаго. Прежде сей эпохи мракъ невѣжества покрывалъ все пространство Россійской Имперіи, и не давалъ проникнуть ни единому лучу просвѣщенія сквозь свою густоту. Нѣкая жестокая строгость составляла все публичное воспитаніе. Можно сказать, что тогда всѣ Россійскія установленія ничто иное были, какъ училища предразсудковъ и заблужденій.

Наконецъ чрезъ нѣсколько вѣковъ приспѣло то время въ которое Россіи надлежало перемѣнить видъ свой, и принять другіе нравы... Европа съ удивленіемъ взирала на одного человѣка, пред-

принявшаго возобновленіе наивеличайшей въ свѣтѣ Имперіи, и преодолѣвающаго всѣ препятствія, сопряженныя съ навыкомъ и климатомъ. Но великій человѣкъ на престолѣ ничего невозможнаго найти не можетъ.

Намѣреніе возстановить воспитаніе Россіянъ было достойно сего безсмертнаго Государя, но смерть, похитившая его при началѣ сей эпохи, воспрепятствовала докончить оное. Петръ Великій именемъ и дѣлами, окончивъ геройскую жизнь, оставилъ много недовершеннаго въ чрезвычайныхъ своихъ начертаніяхъ; и сія недовершимость, естьлибъ не была докончана, погрузила бы Россіянъ снова въ то грубое состояніе, изъ коего она исторжена. Великой Екатеринѣ II. предоставлено было дать великой примѣръ свѣту, содѣлавшейся въ самомъ началѣ своего царствованія просвѣтительницею своихъ подданныхъ. Учрежденія Ея для Нее славнѣе, нежели всѣ Ея побѣды. Что я говорю? Сіи самыя учрежденія и суть по-

бѣды. Екатерина побѣдила всѣ народные предразсудки. Она сохранила тысячу гражданъ для Государства, воздвигнувъ убѣжища для дѣтей, бывшихъ прежде жертвами злосчастія, и заставивъ соучаствовать въ выгодахъ воспитанія всѣ разряды общества. Сія слава гораздо болѣе превосходитъ ту, которая пожинается на сраженіяхъ. Однѣ учрежденія Императрицы довольны, дабы учинить имя Ея любезнымъ для всѣхъ чувствительныхъ сердецъ и славнымъ во всѣ вѣки.

Учредить правила воспитанія, основанныя на хорошихъ началахъ, не есть удобоисполнительное предпріятіе; для подобнаго желанія должно быть одушевлену спасительнымъ восторгомъ; должно желать твердаго и постояннаго блага настоящимъ и грядущимъ родамъ; надлежитъ еще родиться съ сердцемъ и дарованіемъ, могущими споспѣшествовать столь великимъ предпріятіямъ. Философъ, которой въ спокойномъ уединеніи начертываетъ правила воспитанія осно-

ваннаго на Природѣ, не находя для себя никакихъ препятствій, можетъ предаться по своей волѣ всѣмъ движеніямъ своего воображенія; подобно Платону, онъ можетъ положить основанія совершенной республики; но чтобы воображенія свои показать на самомъ дѣлѣ и испытать свои умствованія, то встрѣчаются въ томъ трудности совсѣмъ другаго рода. Тысячи остановокъ, коихъ Философы не предвидѣли, противополагаются игрѣ пружинъ, и обманываютъ ожиданіе Законодателей. Особеннѣйшее дарованіе и искуство состоитъ въ томъ, чтобы такъ предусмотрѣть вліяніе всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, дабы страсти человѣческія вмѣсто того, чтобъ вредили возстановленію, служили бы еще къ ихъ защищенію.

Подобное сему предпріятіе было, и можетъ быть еще неудобоисполнительнѣе, въ Россіи, нежели въ другихъ Государствахъ. Сей народъ, едва изшедшій изъ предѣловъ грубаго воспитанія, подверженный еще всѣмъ предразсужденіямъ, соеди-

непнымЪ съ суевѣріемЪ и невѣжествомЪ, едва могЪ покориться новымЪ преображеніямЪ относящимся до просвѣщенія ума, умягченія нравовЪ и конечнаго искорененія пороковЪ, по видимому, естественныхЪ климату. Екатерина Великая, исполненная благороднымЪ мужествомЪ, не довольно того, что предприняла намѣренія, долженствовавшія совершить общее благоденствіе, но еще пожелала ихЪ сама исполнить; и Ея непосредственное попеченіе подкрѣпляло продолженіе онаго.

Для приобрѣтенія основательнаго познанія какого-либо учрежденія, надлежитЪ непремѣнно познать его вообще и вЪ собственности. Почему я рѣшился съ радостію, слѣдовать вЪ разныя Коллегіи, вЪ разныя публичныя Гимназіи за однимЪ изЪ моихЪ пріятелей, природнымЪ ФранцузомЪ, живущимЪ уже пятнадцать лѣтЪ вЪ семЪ городѣ, гдѣ его заслуги приобрѣли ему отличное мѣсто вЪ одномЪ изЪ сихЪ домовЪ народнаго воспитанія; будучи имЪ руководствуемЪ, удовлетво-

рилъ я совершенно моему любопытству, такъ какъ и вы можете удовлетворить своему. Но все, что я ни видѣлъ, умножало возродившееся во мнѣ удивленіе Россійскому воспитанію; все, что я видѣлъ, утверждало меня въ сей мысли: что установленія Екатерины II. заслуживаютъ почтеніе Философіи и все вниманіе Европы... О! какое безконечное различіе между физическимъ воспитаніемъ сихъ Россіянъ и прочихъ народовъ! (Я еще не выхожу изъ удивленія.) Не въ томъ здѣсь состоитъ оно, чтобы заключить учениковъ въ мрачныя стѣны, едва провѣваемыя внѣшнимъ воздухомъ; но воспитаніе въ сей Имперіи совершается на лучшихъ основаніяхъ. Способы, доставляющіе воспитанникамъ обоихъ половъ сію крѣпость древнихъ борцевъ, неизвѣстную со многихъ вѣковъ, суть: вольность, чистота воздуха, опрятство внутренности и внѣшности домовъ; не нѣжная, а здоровая пища; вкорененіе навыка къ перемѣнамъ климата и неумѣренности годовыхъ временъ; покойная, легкая и безъ перевязокъ

одежда; наконецъ всѣ тѣлодвиженія, по совершенно познаннымъ правиламъ Гимнастики учрежденныя.

Здѣсь-то истинное Лакедемонское воспитаніе; сими-то средствами люди дѣлаются крѣпки и мужественны. Душа и тѣло тѣсно соединены; и когда тѣло получаетъ мужественное воспитаніе, душа и сердце многое отъ онаго занимаютъ.

Мы видѣли забавы воспитанниковъ и сами были свидѣтелями ихъ проворства, за которое еще прежде намъ много ихъ хвалили. Будучи вольны въ выборѣ игръ, они выбираютъ обыкновенно тѣ, кои болѣе требуютъ гибкости и проворства. Мы смотрѣли, какъ они упражнялись въ прыганіи, бѣганіи, борбѣ; но дѣйствія, о коихъ повѣствовали намъ ихъ надзиратели, показались для насъ чудесными. Они намъ разсказывали, что не рѣдко видѣть можно, какъ они смѣло всходятъ на веревочныя лѣстницы внизу не утвержденныя, взлѣзаютъ на высокія мач-

ты, которыхъ поверхность есть гладкая, перепрыгиваютъ рвы, наполненные водою и невѣроятной величины; волтижируютъ превосходно; поднимаются на верьхи кровель, бросаясь оттуда въ прудъ, чрезъ которой переплывъ, всходятъ на берегъ; всходятъ зимою на покрытыя льдомъ горы; спустя нѣсколько времени вставши отъ сна, катаются на конькахъ по прудамъ, въ весьма легкихъ платьяхъ, и во время жестокаго холоду, отъ двадцати и тридцати градусовъ простирающагося. Сколь суть далеки отъ сихъ неустрашимыхъ существъ болѣзненные ваши воспитанники, кои еще суть какъ бы несовершенныя существа, и которыхъ бы лучше именовать гидрометрами, нежели человѣками!

Во многихъ мѣстахъ физическое воспитаніе оставлено на волю учителей, коихъ всѣ старанія устремлены ко усовершенствованію разума, а тѣло оставлено въ небреженіи, такъ какъ часть, которая будто въ разумѣ ни малаго участія

не имѣетъ. Здѣсь же воспитаніе первыхъ лѣтъ есть физическое воспитаніе юношества, основанное на непремѣнныхъ правилахъ, которое не почитается за тщетную принадлежность, но какъ существенная часть воспитанія нравственнаго уважаема.

Дитя со времени своего рожденія воспитывается по непремѣннымъ правиламъ, опытностію и разумомъ дознаннымъ. Самихъ кормилицъ должности начертаны съ величайшимъ стараніемъ.

Всегда выбираютъ ихъ веселаго нрава, опрятныхъ и проворныхъ; смотрятъ даже на цвѣтъ ихъ волосъ, которые очень часто показываютъ характеръ людей. Хотя сіи подробности и кажутся мѣлочными, но онѣ весьма важны въ молодыхъ лѣтахъ, въ продолженіи коихъ получаемыя впечатлѣнія часто остаются на вѣки незагладимыми.

Дѣти содержатся въ величайшей чис-

тотѣ. Вѣ покояхѣ ихѣ всегда бываетѣ легкой, столько спасительной для здоровія ихѣ воздухѣ, которой стараются часто перемѣнять. Какѣ дѣти имѣютѣ весьма нѣжной органѣ зрѣнія, а потому чрезвычайный солнечный свѣтѣ оному можетѣ вредить; то для сего такѣ вѣшаются колыбели дѣтей, чтобы свѣтѣ сей не прямо могѣ на нихѣ ударять; вѣ слѣдствіе сей же самой причины никогда вдругѣ не выносятѣ ихѣ вѣ ясный день.

Для усыпленія дѣтей, никогда ихѣ не качаютѣ: учрежденіе имянно оное запрещаетѣ. Предписано даже и то, чтобы сѣ величайшею осторожностію очищать у нихѣ носѣ, дабы иначе не повредить его органовѣ.

Вѣ началѣ берегутѣ ихѣ отѣ холода, а по мѣрѣ возраста пріобучаютѣ ихѣ кѣ непостоянству погодѣ.

Даютѣ также имѣ вѣ разныхѣ слу-

яхъ волю, дабы содержать въ нихъ пріятную веселость, не менѣе нужную для здоровья, какъ и для способнаго познанія ихъ качествъ физическихъ и нравственныхъ.

Они имѣютъ обыкновеніе избѣгать врачеванія, да и въ правилахъ предписано, чтобы не давать дѣтямъ лѣкарствъ иначе, какъ развѣ когда онѣ сдѣлаются необходимыми. Естьли дитя имѣетъ головную боль, или чрезвычайную колику; то велятъ воздержаться ему отъ всякой пищи, выпить нѣсколько свѣжей воды, и прогуливаться на чистомъ воздухѣ. Сіи двѣ стихіи суть наивѣрнѣйшія лѣкарства оныхъ лѣтъ.

Для укрѣпленія здоровья дѣтей, для приращенія онаго и для щастія во всей ихъ жизни, непремѣнно нужно позволять имъ веселости и невинныя забавы. Всѣ старанія учредителей должны устремляться къ тому, чтобы скрыть отъ ихъ глазъ начальную сухость и скуку Наукъ. Познанія должны входить въ сіи младыя души безъ ихъ отягощенія и подъ

наружными пріятными забавами; когда они учатся, то думалибы, что они играютъ.

Привычка стоять на ногахъ большую часть дня во время ихъ употребленія пищи, или во время ученія, укрѣпляетъ ихъ члены, и доставляетъ имъ свободный и прямый видъ. Всѣ части тѣла тогда занимаясь, обременяются, а по сему сонъ дѣлается для нихъ спокойнѣе.

Учители строго наблюдаютъ, чтобъ ученики владѣли обѣими руками, и, сколько можно, требуютъ, чтобъ они употребляли обѣ руки во всѣхъ ихъ обыкновенныхъ играхъ, какъ на примѣръ: играя въ кегли, бросая камни въ отдаленную цѣль и упражняясь въ борбѣ. Все сіе физическое воспитаніе дѣтей основано на истинныхъ началахъ Природы.

Многіе отцы и матери достойны за то порицанія, что безпрестанно умѣряютъ живость своихъ дѣтей, всегда хотятъ видѣть ихъ скромными и основа-

тельно во всемъ поступающими. Пусть они спросятъ Природу, она имъ будетъ то же отвѣчать. Ежели они не захотятъ сему повѣрить, то пусть посмотрятъ на маленькихъ тварей, ихъ окружающихъ. Они увидятъ, что первый возрастъ тварей провождается въ яденіи, снѣ и игрѣ. Молодыя растенія сами по себѣ всѣ имѣютъ тонкій стебель, способной къ безпрестанному колебанію отъ вѣтровъ.

Сіе колебаніе служитъ къ разлитію сока по всѣмъ частямъ прозябенія. Дѣти находятся въ томъ же состояніи. Между упражненіями дѣтей Московскаго дома, мы болѣе замѣтили пусканіе стрѣлъ. Сіе упражненіе приводитъ въ движеніе всѣ мускулы рукъ, плечей и спины; оно расширяетъ грудь, легкое, и облегчаетъ теченіе крови. Примѣтьте силу народовъ, сражающихся стрѣлами: вы увѣритесь, что нѣтъ лучшаго упражненія могущаго сдѣлать сильнымъ тѣло.

Подобное воспитаніе, гдѣ укрѣпленіе

тѣла вмѣстѣ совершается сѣ укрѣпленіемѣ разума, всеконечно достойно быть образцовымѣ. Древніе наиболѣе упражнялись вѣ Гимнастикѣ, но нынѣшніе народы заставляютѣ юношество много сидѣть, и сіе воспитаніе послужило обильнымѣ источникомѣ многихѣ золѣ. Да возвратятся Европейскіе народы кѣ Природѣ, — и достигнутѣ добродѣтели: ибо нѣтѣ ничего, чтобы столько приближило кѣ добродѣтели, кѣ геройству, какѣ хорошо разположенная Природа.

КОНЕЦЪ.

